

УДК 7(091)
ББК 85.1
Г56

Все права защищены.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается

Гнедич, Петр Петрович.

Г56 Всеобщая история искусств. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 592 с. — (Иллюстрированная история (подарочная).

ISBN 978-5-17-119159-7

К сегодняшнему дню изданий по истории искусств великое множество. Но в конце XIX века искусствовед и писатель П.П. Гнедич был первым в своем Отечестве, кто решился составить и опубликовать подобный труд. «Всеобщей историей искусств» зачитывались современники, ее критиковали и дополняли последователи. Иллюстрации, элементы оформления (которые нам в большей части удалось воспроизвести) не смогут оставить равнодушным и современного читателя. К сожалению, в истории не бывает спокойных времен, однако, что бы ни тревожило нас сегодня, вечные ценности мировой культуры, стоящие над политическими и военными баталиями, предпочитают тишину и сосредоточенность.

Как только современный читатель найдет немного времени, чтобы взглянуть на вековой путь, который прошло искусство, он, возможно, так же как и автор этой книги, согласится, что лишь торжество красоты способно изменить мир к лучшему.

УДК 355(091)(47)
ББК 68.49(2)

ISBN 978-5-17-119159-7

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

астоящая книга — это первая попытка дать на русском языке, в живом и сжатом изложении, картину общего хода развития искусств с древнейших времен до наших дней. Все изданное у нас по этому предмету до сих пор представляет перевод иностранных компиляций, годных более для справок, чем для чтения; издания, хорошо иллюстрированного, наглядно воспроизводящего плоды творчества в сфере образных искусств, у нас не было совершенно. Автор настоящего сочинения старался, обойдя излишние и специальные подробности, держаться возможно более общедоступного изложения. Его труд никоим образом не учебник и тем более не ученое сочинение, — это книга для чтения, пособие при изучении истории.

Автор смеет думать, что предлагаемое издание должно заинтересовать вообще образованное общество, и художников по преимуществу. При прохождении курса истории искусств в Академии художеств внимание учащихся обращается более всего на эпоху классицизма, и с позднейшими стадиями искусства они знакомятся в большинстве случаев по отрывочным журнальным статьям. Предлагаемое сочинение пополнит для них этот ощутительный пробел.

П. П. Гнедич
С.-Петербург 1882–1885 гг.

ВВЕДЕНИЕ

*Доисторическая эпоха. — Свайный период. —
Пастушеские племена. — Задачи эстетики*

I

ревнейшие из дошедших до нас памятников старины свидетельствуют, что за 5000 лет до нас жили народы, обладавшие высокой степенью культуры и ясным, определенно сложившимся взглядом на искусство. Очевидно, что такая культура не явилась сразу, но имела огромный подготовительный период времени, в течение которого крепла и созревала человеческая мысль. Период этот, когда гений человека вел, в полном смысле слова, борьбу за существование добиваясь путем невероятного труда некоторой жизненной обеспеченности, —

период этот известен нам только по раскопкам, по тем остаткам, что мы находим в курганах, на отмелях, в старых пещерах, в обвалах берегов.

При взгляде на эти зачатки цивилизации нас поражает сразу то стремление к эстетической форме, которое не чуждо было первобытному человеку на самых первых ступенях развития.

Человек был так жалок, так бесконечно слаб среди окружающей его гигантской фауны. Эти мастодонты, динотерии, колоссальные олени, тигры, плавающие ящерицы грозили ему на воде и на суше. У него не было никакого оружия, кроме суковатой палки с обожженным в огне концом. Но уже и эта палка несколько отличала его от прочих, одаренных инстинктом животных: он знал огонь, он хранил его. Он видел, как дуб загорается от удара молнии, как лава течет по склонам вулкана и воспламеняет дерево. Он унес этот огонь и поддерживал его между камней. До этого еще никто на земле не додумывался.

Человек видел, как бобры-великаны устраивали посреди речки селение и соединяли его плотиной с берегом. Хитрое подпираание домика сваями давало особенную прочность постройке. И вот появляются подобные же свайные человеческие деревни, застраиваются маленькими поселками, где живут семьи и роды, где постоянно поддерживается огонь, процветают те несложные мастерства, без которых немислим самый незатейливый домашний обиход. Острые зубы и клыки, насаженные на палки, оберегают в крайнем случае от нападения неприятелей. Необходимость защиты от разных невзгод, так называемая борьба за существование, создает примитивное оружие и постройки.

А бороться было с чем. Девственные тропические леса, покрывавшие в то время Европу, держали в страхе ее обитателей. Мохнатуму мамонту одного взмаха хоботом достаточно было, чтобы не только убить любого силача, но и разметать в прах его убогое жилище. На том месте, где теперь стоит Париж, среди лиан, гроздьев винограда и переплетенной прозрачной сетки плюща, гнездились огромные змеи, извиваясь на сучьях стотридцатиаршинного дерева *sequivia gigantea*. Дикие лошади паслись по тучным пастбищам теперешней Германии. Ко всему присматривался человек, все это его поражало, он запоминал эти образы, носил их в себе, часто даже боготворил их, и когда ему под руку попадался мало-мальски подходящий материал, он воссоздавал их изображения, грубо, по-детски, но самобытно, быть может, с сильнейшим порывом вдохновения, чем творят нынешние художники свои произведения.

При раскопках мы нередко встречаем выцарапанные на слоновой кости изображения головы носорога, оленя, коня и даже головы целого мамонта. Какой-то дикой таинственной силой дышат эти рисунки, и во всяком случае, талантом несомненным.

По прилагаемому рисунку можно судить, насколько правилен и удачен очерк допотопного слона, переданный неведомым художником. Он несравненно выше позднейших египетских и ассирийских рисунков: он, бесспорно, лишен всякой условности и педантизма.

Едва человек обеспечил себя хотя немного, едва он мало-мальски чувствует себя безопасным — взгляд его ищет красоты. Его поражают яркие цвета красок, — он расписывает себе тело всевозможными колерами, натирает его жиром, обвешивает нанизанными на шнурок ожерельями из ягод, фруктовых косточек, костей и корней, даже просверливает себе кожу для закрепления украшений. Густые сети лиан учат его плести себе койки для ночлега, и он плетет первобытный гамак, уравнивая стороны и концы, забываясь о красоте и симметрии. Упругие ветви наталкивают его на мысль

о луке. Трением одного куска дерева о другой добывается искра. И наряду с этими необходимыми, необычайной важности открытиями он заботится о пляске, ритмических движениях, пучках красивых перьев на голове и тщательной росписи своей физиономии.

Море выбрасывает гладко обточенные прибоем камни. Разбив их на части, прибрежный житель получает почти готовый наконечник оружия. Острый край раковины служит ему ножом. Морская трава дает превосходные веревки, рыбы кости — иглы, а древесная смола — клей. Всем этим пользуются люди, давая всему возможно более правильную, отвечающую назначению форму.

Как в первые два года жизни ребенок приобретает такую массу познаний, что с ней едва ли сравнятся все его знания последующих лет, так и первобытный человек, на своих низших стадиях развития, делает массу таких величайших открытий, с которыми едва ли могут тягаться все позднейшие его открытия и изобретения, хотя бы они и носили на себе громкие имена их авторов: Ньютона, Уайта, Эдисона. Важна инициатива, импульс в каждом деле: дан толчок — движение будет.

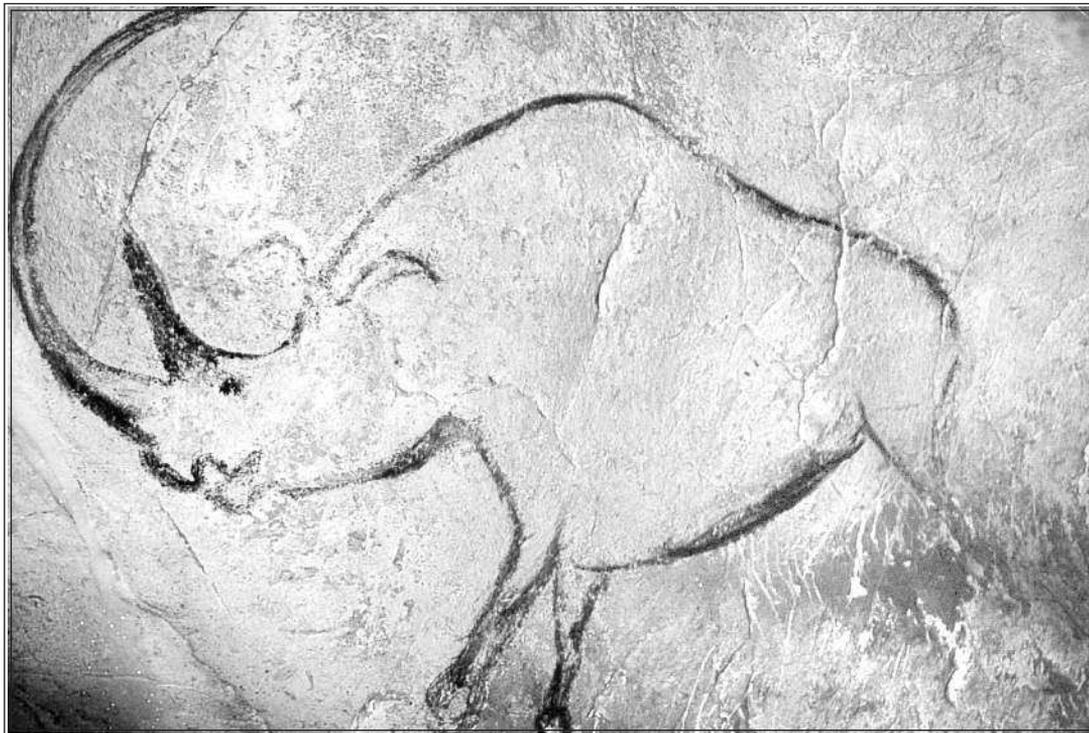

Изображения мамонтов в Каповой пещере (Шульган-Таи) в Башкирии

Какова же была жизнь в эти отдаленные от нас эпохи? Можем ли мы себе представить человека, лишенного всех условий современной цивилизации? Чтобы разрешить этот вопрос, бросим взгляд на современных дикарей — ну хотя бы на австралийцев.

Океанийцы живут в пещерах или в примитивных шалашиках. Они натерты вонючим жиром, волосы вечно растрепанные, свалявшиеся. Некоторые племена не нуждаются в огне: едят сырыми червей, пауков и гусениц, только при случае рыбу или дичь.

Ужасным трудом, с помощью трения, добывается у северных племен огонь и поддерживается до первого дождя, южные племена считают это роскошью. Одежда их заключается в простом куске коры, кое-как прикрепленном вокруг бедер. Они выходят на поиски пищи, только когда голодны. Язык их беден до того, что отвлеченных понятий на нем не существует. Названия видимых предметов — дерево, лодка, камень и пр. — у них есть, но понятий «добродетель», «слава», «ум» и др. у них не имеется. Представления о прошедшем

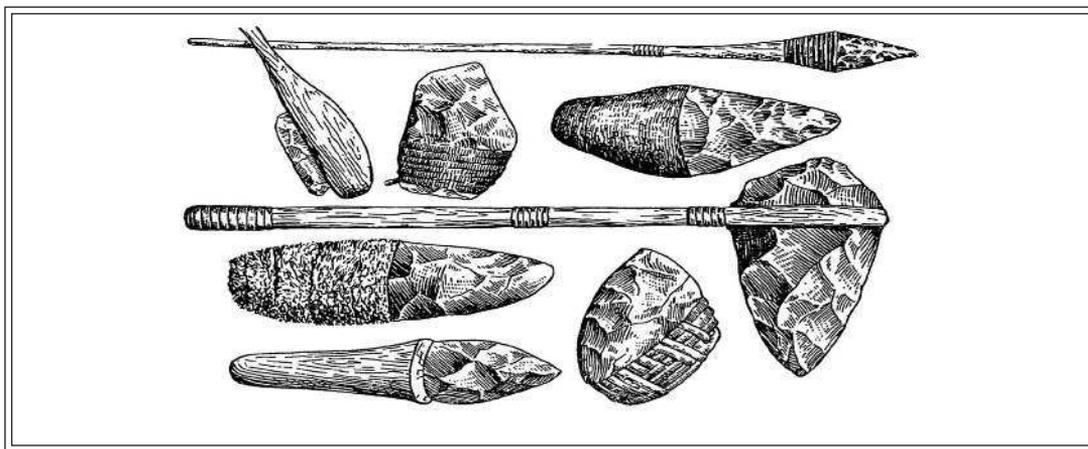
Изображение мамонта в пещере Ласко во Франции

и будущем им недоступны. Счета дальше десяти у них нет. Бога у них нет, есть только смутное понятие о дьяволе, злой силе, которой надо страшиться. Они, не стесняясь, едят своих детей, родителей, родственников.

Картина ужасная!

Это низшая ступень человеческого развития. Но если внимательно рассмотреть изображения этих несчастных представителей человеческого рода, нас поразит одно явление: ясное стремление в них к красоте и изяществу (конечно, своеобразному). Их грязная копна волос украшена улитками, костями и комками глины. Это отвратительно в натуре, но симметрично и не лишено известной грации на портрете. Лица их расписаны чрезвычайно симметрично, даже в оборванных ушах (у каннибалов Винуа Леву) соблюдается равномерная правильность болтающихся лохмотьев кожи. У иных каледонцев прическа настолько сложна, что сделала бы честь любому куаферу. На ногах и руках у них браслеты, на шее ожерелья, в носу кольца и палки. Словом, чувство гармонии говорит в нем, в первобытном человеке, ранее всех других чувств и знаний.

Было бы излишне вдаваться в подробности, была ли когда-нибудь она заселена подобными племенами, или пришельцы из Азии, заселившие ее, обладали значительной степенью культуры. Наконец, вопрос о том, когда именно наши предки находились на первобытной ступени развития, — едва ли разрешим, хотя доисторическая археология имеет теперь много последователей и научная литература каждый год обогащает новым материалом.

Изображения древнейших орудий труда человека

Идти точным изысканиям вглубь неведомых веков небезопасно; но гипотезы современных ученых утверждают, что ледниковый период, продолжавшийся около ста тысяч лет, получил уже до известной степени культурного человека из предыдущего периода. За последнее время даже возник вопрос о существовании человека в конце третичного периода. Самые добросовестные вычисления заставляют предполагать, что появление человека в Европе произошло за полмиллиона лет до нашей эры.¹

Мы не знаем, когда «ударил час умственного пробуждения человечества» и разум одержал победу над чувственностью. Мы знаем только, что протекло бесконечное количество веков, в течение которых родилось и умерло бесконечное количество людей, быть может, умных, богато одаренных, красивых, обладавших колоссальными способностями, но о которых до нас не дошло никакого намека, которые исчезли в вечность бесследно, как те облака, что носились в то время над землей.

Они, быть может, совершили свое: вложили свою лепту в сокровищницу знаний и усовершенствований и пропали навсегда, уступив место новым поколениям.

Каменный период, то есть период, когда оружие изготовлялось человеком из камня, сменился периодом бронзовым и железным. Степень развития нации и окружающие условия влияли, конечно, на быстроту переходов из одного в другой. С одной стороны, нас отдаляет от каменного периода 50 тысяч лет, с другой — каменный период тянулся у некоторых народов до нашего времени.¹

Определенный, вполне точный период жизни доисторического европейца — это эпоха свайных построек. Всем известна случайность открытия этих водяных селений. В 1854 году вода в Цюрихском озере спала и обнаружила ряды свай с озерным наносом песка и ила. Тщательные исследования показали, что это остатки былых построек. Действительно, под илом оказалась масса каменного оружия и утвари. Очевидно было, что свайная деревня погибла от пожара, и вещи, попав горящими в воду, обуглились и тем спаслись от гниения. Таким образом, найдены были жилища, о которых говорит Геродот в пятой книге своей истории, и сообщение его оказалось правдивым и на этот раз.

¹ Мортилье, Буржуа, Карл Рибейро и др.

² Крашенинников, посетивший в прошлом столетии Камчатку, рассказывает, что камчадалам металлы неизвестны и все необходимое делается из кости и горного дымчатого хрусталя.

Свайные дома в Юго-Восточной Азии

Свайные постройки занимали иногда обширную площадь: на одном озере нашли остатки деревни в 35 тысяч свай. Это были простые плетеные и дощатые хижины с подъемным люком, через который спускались вниз к лодке. Лодка — выдолбленный челнок — служила, вероятно, и для рыбной ловли, и для сообщения с берегом. Впрочем, Геродот уверяет, что в иных озерах было столько рыбы, что опущенная на веревке корзина моментально ею наполнялась. Сообщение с берегом совершалось с помощью мостов, которые иногда снимались, а иногда заменялись подводной плотиной, на тот случай, чтобы непрошенный тигр не явился в селение. По берегам и в долинах были поля, засеваемые пшеницей и ячменем; зерна раздроблялись между двух грубых жерновов, и получалась мука, очень грубо молотая, из которой пеклись небольшие хлебцы на раскаленных камнях. Лен и конопля служили для плетения одежды (ткацкий станок был, конечно, еще неизвестен). В кладовых встречаются сушеные груши, яблоки, орехи и вишни. Коровы, козы, овцы, свиньи и неизменная собака — составляют домашний скот.

Свайные постройки не есть исключительное явление, присущее какому-нибудь одному племени. Остатки их находятся и в Германии, и в Шотландии, и в Ирландии, и в Остзейском крае, и на Кавказе. Несомненно, огромная

масса народов, наводнившая Европу, имела одни общие архитектурные элементы, воспринятые непосредственно от суровой необходимости. О каком-либо стиле говорить еще невозможно — это просто была база, основание дальнейшему развитию устройства человеческих жилищ.

* * *

В иные условия были поставлены кочевые племена, которые, довольствуясь легкой переносной палаткой, бродили со своими стадами с места на место. Бесконечные равнины Дальнего Севера и Центральной Азии выработали совершенно своеобразную расу людей, для которой кочеванье вошло в плоть и кровь, и для которой оседлая жизнь — в тягость. Таковы самоеды, арабы-номады, пожалуй, даже цыгане. Патриархальный быт кочующих пастушеских племен, описанный так живо в Библии, сохранился и до сих пор во всей своей простоте. Несомненно, что задолго до патриархов, за многие тысячи лет, кочевники точно так же бродили по равнинам, выискивая пастбища. Нынешние бедуины — живые представители забытой пастушеской жизни — те же грозные библейские воинственные измаильтяне.

Бродя из края в край, заботясь только о стадах, довольствуясь не только заколотым бараном, но порой горстью фиников, сорванных с первой попавшейся пальмы, араб, конечно, не может думать о посевах. Более того, он питает положительную антипатию к земледелию и ремеслам. Кое-как обработанная шкура вполне заменяет ему льняные и шелковые ткани, на которые он смотрит с презрением. Оружие, кольца, украшения он выменивает или покупает у соседей и проезжающих караванов, да и то украшения он предоставляет женщинам, а себе позволяет носить только наборные пояса.

Первобытным орудием обитателя пустыни был тот же лук, который сохранился как неизбежная необходимость до эпохи Возрождения, то есть до времени изобретения пороха. «Измаил вырос и поселился на возвышенности, и стал стрелком из лука», — говорит Библия.¹ Мечи и копья тоже были им не нужны; знаком был им и яд, которым намазывали боевое оружие. Суровая, возросшая в пустыне натура, всю жизнь проводящая в набегах и схватках, казалось бы, по всему, должна быть чужда всякой идее изящного. А между тем бедуин, считая недостойным мужчины обвешивать себя всякой дрянью,

¹ Книга Бытия, XXI, ст. 20, пер. Мандельштама.

любит, чтобы женщина была хорошо, красиво одета. Чем богаче муж, тем щедрее жена. Тут уж нет и в помине диких замашек океанийцев, которые накидываются на невесту с такой силой, что когда приводят ее в свое логовище, то руки у нее оказываются вывихнутыми, а ребра сломанными.¹ Тонкое, благородное спокойное сватовство составляет особо характерную черту древних патриархов. Стоит вспомнить идиллическую картину сватовства Ревекки, когда управляющий Авраама явился с подарками к ее родственникам.² В числе подарков была золотая серьга, весом в полсикля, и два запястья. Эта серьга, конечно, предназначалась для носа — такие серьги до сих пор носят бедуинки, — и да не смущает художников такая подробность туалета красавицы Ревекки. Бедуинки не прочь от раскраски лица, по мнению их мужей, они выигрывают этим в красоте, следовательно, опять-таки стремление к прекрасному живо в них.

Бедуины живут, как и прежде жили, в простой палатке, сложенной из жердей, обтянутой полосатой покрывкой. Большие шатры богатых владельцев стад представляют обширное помещение, разделенное перегородками на отдельные небольшие закоулки, имеющие каждый свое назначение: для женщин, воинов, рабов, мелкого скота и пр. Должно быть, по таким отделениям ходил Лаван, отыскивая похищенных Рахилью идолов (Бытие, XXXI, 33). Иногда, быть может, скот помещался отдельно — Иаков в Суккофе «для скота своего сделал шалаши» (Бытие, XXXIV, 17).

Ни в остатках свайных построек, ни в Пятикнижии Моисея мы не находим указаний, чтобы лошадь была домашним животным. Вероятно, нелегко было человеку подчинить ее. В Аравии верблюды и ослы вполне заменяли лошадь; на верблюдах даже выезжали в бой, по свидетельству Диодора. Правду говоря, на пустынном просторе аравийских степей верблюд, корабль пустыни, более пригоден, чем лучший конь. Забота об украшениях сбруи (которая, в сущности, оставалась до сего дня такой же, какой мы ее видим на ассирийских барельефах) простиралась у аравитян до того, что на шею верблюдов налагали золотые цепи (см. книгу Судей Израильских, VIII гл., конец стиха 26).

Страсть к блестящим украшениям, безделушкам, свойственная женщинам, детям и дикарям, в сущности, не чужда и мужчине, но он старается ее заглушить в себе, считая это недостойным его. Это та же врожденная страсть

¹ У океанийцев брачный обряд заключается в том, что несколько человек бросаются на девушку и каждый тащит ее к себе. Пересиливший остальных берет несчастную себе в жены.

² Книга Бытия, XXIV, 1–47.

к изящному, выразившаяся в примитивной форме. Красота, пропорция есть известный гармонический, чисто математического характера закон, от которого живому существу невозможно отделаться, до того понимание его инстинктивно. Он не чужд и животным, даже птицам, например, «беседковой», которая убирает себе гнездо исключительно блестящими предметами, или тем породам, где самцы стараются привлечь на свою сторону подруг яркой окраской перьев.

II

Но прежде чем приступить к систематическому изложению постепенного хода развития истории искусств, мы должны сделать небольшое отступление: сказать два слова о задачах эстетики.

Определение идеала, идеала чего бы то ни было, выясняется только рядом практических выводов. Житейский опыт стариков, переданный новому поколению, совершенствуется им и в свою очередь передается позднейшим потомкам для дальнейшего совершенствования. С помощью такой традиции (последовательной преемственности) идея идет вперед, прогрессирует, стремясь подойти возможно ближе к истине, к идеалу. Ряд разнообразных фазисов, по которым идет человечество, достигая данный идеал, называется историей. История может быть политическая, если идеал ее — государственное благоустройство; история философии — постепенное достижение идеала высшего самопознания; история искусства — прогрессивное стремление к идеалу прекрасного и изящного. Проследить постепенный ход развития этой идеи и есть задача предлагаемого сочинения.

Мы прошли огромное число стадий в деле искусства, и на пройденном пути яркими звездами блестят имена великих творцов: Фидия, Праксителя, Рембрандта, Рафаэля, Микеланджело, Леонардо да Винчи. У нас есть «Венера Милосская», фронтоны Парфенона, «Сикстинская мадонна», «Моисей», «Тайная вечеря» — все это высочайшие художественные образцы, воплощение высших идей и понятий, лучшая духовная сторона национальностей, колоссальные создания колоссальных людей, носителей одного из самых священных чувств, вложенных в человека, — чувства прекрасного. Их создатели были люди, чутко понявшие закон гармонии красоты и идеальной правды.

Человек прикован к земле; он не может создать никакого чисто вымышленного им образа, в деталях этот образ все-таки будет напоминать тот или